

Н. И. ВОРОБЬЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАЗАНСКИХ ТАТАР ПО ДАННЫМ ЭТНОГРАФИИ *

Вопрос об этногенезе казанских татар (именно казанских, а не вообще татар Поволжья) ¹ является весьма сложным и запутанным, решение же его важно не только для этого народа, но может пролить свет на процессы формирования и других народов Среднего Поволжья. В этой статье мы выскажем соображения, вытекающие из анализа бытового уклада казанских татар, сложившегося ко второй половине XIX в. уже в условиях капиталистических отношений. По нашему мнению, данные о происхождении бытовых форм до некоторой степени помогут выяснению (во всем его объеме) этногенеза казанских татар.

Необходимо категорически отбросить попытки изобразить казанских татар как народ, пришедший в Среднее Поволжье откуда-то со стороны (неважно, в какое время) в уже сформировавшемся виде, вытеснив другие, ранее обитавшие здесь народы. Происхождение казанских татар гораздо сложнее. Многочисленные данные говорят, что они, как народ, сформировались на месте современного их обитания из различных этнических элементов как местного, так и пришлого происхождения. Процесс этот был длительным, сначала протекал внутри первобытных общин, затем в составе Булгарского полуфеодального государства и в общих чертах закончился приблизительно к XV—XVI вв. К этому времени создался тот народ, который русские летописи сначала называли казанцами, а затем за ним укрепилось наименование казанских татар. Продолжался этот процесс и позднее, но уже в виде впитывания в состав татарского народа представителей соседних, сформировавшихся в крае народов,— так называемое «отатаривание», преимущественно через исламизацию.

Сложность происхождения татарского народа сразу чувствуется при изучении его бытового уклада, хотя этот уклад уже крепко сложился. Анализируя любой элемент быта, можно нащупать различные источники, из которых он создался. Чаще всего таковыми являются два основных источника, наследие древних культур: 1) лесной, охотничье-земледельческой, впоследствии преимущественно финской, и 2) степной, кочевнической, со степным же земледелием,— впоследствии главным образом тюркской. ²

Наследие древней лесной культуры у татар является чисто местным, характерным для края и легшим в основу бытового уклада соседних с татарами финских народов (мари, удмурты, мордва). Степные же элементы безусловно не местные, попавшие в край с юга и юго-востока: трудно сказать, когда они появились и как долго они продолжали просачиваться в край (ниже на этом остановимся подробнее).

На эти два начала затем налагают влияния других культур: восточно-мусульманской и русской, также весьма древние. Ислам и принесен-

* Переработанная стенограмма доклада, зачитанного на сессии по этногенезу татар Поволжья в Отделении истории и философии АН СССР в июне 1946 г.

¹ Другой группой татар Поволжья являются так называемые мишари («мещеряки»), живущие преимущественно к западу от Волги и формировавшиеся несколько иначе.

² В дальнейшем будем употреблять сокращенные термины: лесной и степной.

ные с ним бытовые формы появляются в конце I тысячелетия нашей эры, а отношения с предками русских устанавливаются, примерно, с X—XI вв. Эти влияния иногда сильно затухивали древние культурные корни, но при внимательном анализе в большинстве случаев их все же удается выявить.

Приведем доказательства этого положения. Главным занятием большинства казанских татар издавна является земледелие. Как набор культур, так и техника сельского хозяйства у них одинаковы с теми, которые сложились в средней (лесной и лесостепной) полосе Европейской части СССР; однако имеются некоторые особенности, присущие в крае только казанским татарам. Так, отметим слабое развитие огородничества и особенно выращивания овощей. Даже в 20-х годах текущего столетия, когда значительная часть татарских хозяйств обзавелась огородами, процент овощей в них был только 2,1 (у русских — 14,4, у других народностей — 6,4). Это обстоятельство — несомненный пережиток степных традиций, ибо и татарская кухня, как отметим ниже, почти не требует овощей. Отсутствие овощей в питании не стимулировало и усвоения самой техники огородничества.

Как степной же пережиток, можно отметить большую любовь татарина к коню, более тщательный уход за ним, чем у соседей, а также использование коня на состязаниях во время народных праздников, чего нет у соседних народностей, где лошадь только рабочее животное — помощник земледельца. В остальном животноводство татар не отличается от животноводства соседей и носит чисто лесной характер. Отметим также сильное развитие у казанских татар пчеловодства (ульи часто ставятся прямо на дворах).

Неземледельческие занятия татарского крестьянства также дают возможность говорить о двойственности их происхождения. Так, обработка древесины и волокна — лесные занятия, кожевенное же производство у татар пользуется большим распространением, чем у соседей. Возьмем татарское ткачество. Ткацкий станок и весь инвентарь близки к таковым у соседних финнов (мари и удмуртов), но у татар сохраняется и старинный ткацкий станок, пристраивающийся на нарах, с разьединенными стойками для крепления прищвы, чем этот станок сближается со станком кочевническим, например, с казахским.

Поселки татар располагаются (как и у других народов) большей частью у речки или ручья, нередко лепясь из косогору, но планировка татарских поселков имеет некоторую специфику. Типичной для татарских поселков является большая запутанность плана, кривые улицы, проезды, тупики, усадьбы неправильной формы, а также кучное расположение усадеб как бы вокруг какого-то, ныне уже не существующего, центра. На это обстоятельство обращали внимание многие авторы XIX в., как Сбоев³, Черемшанский⁴, Артемьев⁵, Кеппен⁶ и др. Документально это доказал (многочисленными старыми планами татарских деревень) В. В. Егоров⁷. Подобное расселение указанные авторы объясняют желанием родственников селиться ближе друг к другу, разделяя на части бывшую когда-то более обширной усадьбу их родоначальника. В результате в отдельных частях поселка получаются как бы круги усадеб. Наши личные наблюдения за «кольцами» усадеб также говорят о том, что жители таких колец считают себя родственниками, часто

³ В. А. Сбоев, О быте крестьян Казанск. губ. Казань, 1856, стр. 18.

⁴ В. М. Черемшанский. Описание Оренб. губ. в хоз.-статист., этнографич. и промысл. отношениях. Уфа, 1859, стр. 162.

⁵ А. Артемьев, Списки населенных мест по сведениям 1859 г. Казанск. губ.

⁶ Кеппен. Хозяйственные заметки о Казанской и некоторых других губерниях.

⁷ В. В. Егоров. Самобытное расселение народностей Казанск. края, «Вестник О-ва татарсведения», 1928, № 8.

называют имя предка, положившего начало этому кольцу, и предков всех этих колец считают основателями поселка.

В таком расположении усадеб, наблюдаемом также у чуваш, можно видеть остатки еще не вполне забытого родового строя. Характерно, что наиболее старые поселки Заказанья, возникшие в XV—XVI вв. имеют более запутанный план, чем более поздние, например, Закамья, где население уже вторично расселилось в XVII—XVIII вв.⁸ Подобная же планировка поселков у недавно перешедших на оседлость башкир⁹ и у якутов дает право считать это также пережитком степных традиций.

Поселки казанских татар говорят и с наличием древних, лесных традиций. Старинные татарские деревни утопают в зелени, каждый мало-мальски зажиточный двор имеет садик, с расположенными в нем ульями, а в стороне от деревни всегда имеется роща кладбища. Татары не только берегут деревья на кладбищах, но и постоянно подсаживают их, ибо у них имеется поверье, что дерево на могиле каждым своим листком молится за усопшего. Во многих деревнях имеются предания о еще недавно сохранявшихся около татарских деревень молитвенных рощах (кереметь), которые были уничтожены по настоянию мусульманского духовенства, как несовместимые с исламом.

Ряд степных пережитков мы видим у татар и в планировке усадьбы. Если типичная усадьба лесного типа в крае характерна тем, что в ней жилой дом и все надворные постройки по возможности объединены, нередко под одной крышей (у русских, мари), то у татар наблюдается тенденция разбросать постройки по усадьбе и, в частности, отделить их от жилого дома. Даже клеть почти никогда не соединяется с домом, а чаще ставится против него. При этом стремление разбросать постройки увеличивается по мере роста благосостояния владельца и размеров усадьбы,— бедняк на малой усадьбе поневоле объединяет свои нехитрые постройки. Эту особенность в планировке татарских усадеб отмечают многие старые авторы, как Георги¹⁰, Черемшанский, Артемьев и др. Самые постройки — обычного для края типа, хотя татары никогда не делают двухэтажных амбаров, столь типичных для финских народностей края. У богатых татар строится так называемая белая клеть (ак-клэт), которая служит летним жильем, соответственно обставляется и является пережитком степных традиций — желанием летом пожить в другом жилище¹¹. Имущество в «белой клетке» не хранят.

Жилой дом татарина — развитой сруб, типичный для всей средней полосы Европейской части СССР, такой же, как у соседей, а особенности жилища выявляются только во внутренней планировке и обстановке. Так, печь в татарском доме, как правило, никогда не ставится в угол, а всегда удаляется от стены так, что за ней остается еще проход в меньшую половину избы, которая отделяется глухой перегородкой по линии печи. Всю переднюю часть избы занимают нары. На нарах проходит вся жизнь хозяев: на них спят, работают, едят и пьют. Стол, если он и имеется, ставится около боковой стены; на нем никогда не едят, а только стоит холодный самовар и чайная посуда на подносе, покрытом салфеткой. Обязательной частью обстановки являются сундуки, число которых часто не соответствует имуществу, которое в них должно храниться. «Чистая изба», появляющаяся с увеличением зажиточности, иногда не имеет нар и даже какой-либо мебели, за исключением кровати, заваленной перинами и подушками, и многочисленных сундуков, уставленных вдоль стен (иногда один на другой). Середина избы за-

⁸ Г. Перетяткович. Поволжье в XV—XVI вв.; Н. А. Фирсов. Иноподческое население прежнего Казанского царства... и колонизация Закамских земель, 1866.

⁹ С. И. Руденко. Башкиры, ч. II, Л., 1926.

¹⁰ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов.

¹¹ По указанию Ибн-Фадлана, болгарские ханы летом выезжали на кочевки.

стиляется войлоком или ковром, и на нем сервируется еда, когда она происходит в чистой половине. Сидят обычно на нарах, на которые подстилаются каждому сидящему персональные подстилки — корпэ, а более почетным гостям подстилают подушку. Сундуки также покрываются корпэ или ковриками.

Почетное место (турь) в избе татарина находится у передней стены как раз против двери, а не в «красном» углу, как у всех соседей. Здесь на подушках и сажают почетного гостя.

Вся эта обстановка придает татарской избе известное сходство с жилищем степняка-кочевника. Добазим, что перед праздником стены избы сплошь увешиваются полотенцами с орнаментированными концами, молитвенными ковриками (намазлык) или просто тканями, причем нередко наблюдается стремление смягчить углы сруба. Особенно ярко это проявляется при подготовке помещения для новобрачных, летом часто устраиваемого в белой клет, где стены сплошь завешиваются тканями и сильно смягчаются углы. В татарском языке нет слова, обозначающего стену дома. Ее называют или персидским словом — диуар, а чаще русским — стена. Бывшее волоковое окно, нередко устраиваемое за печью или в сенях, называется тунлюк — так же, как дымовое отверстие в юрте.

Двойственное происхождение, несомненно, имеет и татарская печь. где обычная, так называемая «русская» хлебопекарная печь комбинируется с очагом в виде пристройки сбоку, куда вмазывается котел. Котел также нередко комбинируется не только с хлебопекарной, но и с так называемой «голландской» печью, употребляемой для отопления чистой избы или чистой половины. Подобные комбинированные печи встречаются и у соседей татар — мари и удмуртов, но только там, где сильно чувствуется «отатаривание» их. У чуваш также используется котел, но он подвешивается в особой нише на шестке, а не вмазывается сбоку печи, как у татар.

Итак, татарское жилище в его планировке, обстановке и убранстве является ярко выраженной комбинацией типичного лесного сруба и степных пережитков. При этом большое количество степных навыков говорит о том, что кочевые элементы, носители этих форм, вливались в край в большом количестве и достаточно долго.

Одежда татар по своему покрою имеет тот же двойственный характер. Так, шаровары у обоих полов одинаковые, определенно степного типа с широким шагом, хотя и несколько своеобразного покроя, и резко отличаются от шаровар, носимых соседями татар. Рубашки (кюльмяк) также у обоих полов одинаковы по своему покрою — среднее полотнище, боковые клинья, квадратные проймы, вшивка рукава с ластовкой (киштэк), прямой разрез ворота без приполка. Но в деталях рубашки весьма разнообразны. Так, мужская рубашка, в зависимости от материала, может быть и узкой (холщевая), и широкой (из ситца или полотна), без воротника или же с отложным воротником, завязывающимся пришитыми завязками или шнурком, продевающимся через отверстия на воротнике.

Женский кюльмяк шьется длиной до щиколоток. Особенностью его является значительное расширение подола либо посредством широких клиньев, либо пришиванием к стану, идущему только до бедер или несколько выше пышной нижней части, составляющей подол. Нередко для увеличения пышности кюльмяка на него нашиваются оборки и воланы различной ширины и на разной высоте. У крестьянок часто, при сравнительно нешироком кюльмяке, на высоте низа груди нашивается оборка, шириной до 40—50 см, придавая бюсту пышность. У горожанок оборки и воланы пришиваются ближе к подолу. Отсутствие приполка

на грудном разрезе вызывало появление нагрудника, носимого ими под рубашкой (кюкрячки) или поверх ее (изю).

Материалом для женских кюльмяков является или пестрядь, или ситец и другие фабричные ткани. Расцветка в большинстве случаев яркая, с преобладанием красных тонов. Белых кюльмяков не встречается, но для XVIII в. Георги отмечает белые холщевые рубахи у татар по р. Черемшану.

Татарская рубашка (как мужская, так и женская) по технике кройки относится к степному типу со средним полотнищем и клиньями, но по своей ширине нередко сближается с финской — лесной, особенно рубашки из пестряди, которые незаметными переходами сближаются с рубашками елабужских удмуртов, рубашками чуваш-анатри, а через них и с марийскими. Только поясов ни татары, ни татарки никогда на рубашке не носят.

Верхняя одежда татар — двух типов: в талию и прямоспинная. Обычно поверх рубахи мужчины надевают безрукавку-камзол, сшитая в талию, но без сборов, длиной выше колен. Это — домашняя одежда. Поверх камзола надевается казакин, сшитый также в талию, длиной до колен. Поверх казакина (а иногда и прямо камзола) зимой надевается бешмет, стеганный или овчинный, сшитый также в талию, длиной ниже колен; только в дорогу зимой сверх него надевается еще прямоспинный овчинный тулуп да изредка встречается прямоспинный чекмень. Такова одежда татарина-крестьянина.

У горожан поверх камзола, очень короткого, с открытой грудью, надевается длинный казакин, а сверх него прямоспинный джилян или чекмень, длиной до щиколоток, а зимой — прямоспинная же меховая шуба (тун). У женщин на кюльмяк надевается камзол, длиной до колен, а на него зимой шуба, сшитая в талию или прямоспинная.

О происхождении верхней одежды татар данных нет. Можно только отметить, что все типы ее, особенно сшитые в талию, имеются у степных народов, что сближает татар более с ними, чем с народностями края, хотя нельзя отрицать и чисто местных влияний.

Так же сложна и по типу, и по происхождению обувь татар. Обычная обувь крестьянина — лапти, но надеваются они не на онучи, как у соседей, а на суконные или войлочные чулки (тула ойок), близкие к таковым же у казахов. Оборами лаптей татарин не оббивает голень, а крепит их у щиколотки. У богатых татар обувью являются кожаные ичеги с мягкой подошвой, на которые надеваются при выходе из дому кожаные же калоши. Эта обувь определенно степная. Женщины чаще надевают лапти на вязанные чулки, одинаковые с чулками соседних народов. На них же надевается кожаная обувь — туфли (башмак). Богатые женщины обуваются в ичеги, сшитые из разноцветных кусков сафьяна.

Нижний головной убор мужчины — тюбитейка, как будто бы видоизмененный подшлемник степных воинов, происхождение же шапки и шляпы неясно. У женщин основной головной убор — платок, вероятно, заменил различные древние головные повязки, происхождение же мягкого колпака неясно. Возможно, что это изменившийся шлемовидный или башневидный убор тюркских женщин, по данным авторов XVIII в., существовавший и у татар (как об исчезающем уборе о нем упоминает Фукс, впервые давший описание мягкого колпака). Однако высокий убор широко распространен и у соседних финнов (удмуртов, мордвы).

Происхождение татарских украшений также сложно. Многие из них (браслеты, кольца, серьги) идентичны с украшениями соседей и издревле изготовлялись в крае. Также, повидимому, от предков с лесной культурой досталось татарам употребление в качестве украшений монет, столь широко распространенное у соседних финских народов. С другой

стороны, степным пережитком является украшение кос и, в частности, наконники, прикрепляемые к концам обеих кос как женщин, так и девушек. Возможно, степной же является перевязь — хасита, тесно связанная с обычаем носить обереги (боти). Происхождение значительного числа украшений (в частности, нагрудных) неясно. Отметим полное отсутствие у татар поясных украшений, издревле столь типичных для народов лесной культуры.

В питании татар огромное значение издавна имеют мука (ржаная и пшеничная) и крупы (полба, пшено, греча). Из муки изготавливают хлеб обычного для края типа и различные печенья; кроме того, она широко используется как приправа к жидким блюдам или в виде кусочков теста, запускаемых в бульон (салма, лапша, ума, ипи-чумары и др.), или в виде болтушки (талкан, быламык). Если в хозяйстве татарина нехватает муки и ее необходимо экономить, то обычно перестают печь хлеб и употребляют муку только как приправу к жидким блюдам. Когда хотят сказать, что та или иная семья очень бедна и недоедает, то говорят «они уже на одной салме сидят». Каши варятся как жидкие (полевая кашка), так и густые. Из сказанного следует, что если хлеб и каша — пища лесная, то употребление муки на изготовление салмы и быламыка указывает на степные пережитки, исключаящие употребление овощей, особенно капусты. Даже картофель татары стали употреблять позже своих соседей.

Излюбленное мясо татарина — баранина, затем говядина, куры, гуси, утки и, наконец, конина. Мясо, как правило, до полной мягкости варят в котле, затем вынимают, в бульон запускают мучную приправу, а мясо подается отдельно в виде второго блюда. Всякое мясо перед подачей на стол режут тонкими ломтиками, какими наиболее удобно резать баранину. Баранина, варка мяса в котле и поедание его отдельно от бульона, — все это степные пережитки. С другой стороны, употребление в пищу в качестве любимых блюд птицы, особенно гусей, а также яиц говорит о наличии лесных навыков.

Молочные продукты татары используют своеобразно. Масло они изготавливают почти исключительно сливочное, а из большей части молока изготавливают так называемый катык, близкий к кислому молоку русских, но более острый. Катык имеет широкое употребление; его едят с хлебом, кладут в виде приправы в жидкие блюда (особенно, когда бульон варится без мяса), а смешав с водой, из него делают освежающий напиток — эйрэн, заменяющий кумыс, которого татары не изготавливают. Сметаны татары не изготавливают совершенно, сравнительно редко делается творог.

Из сладких блюд излюбленным является типичный лесной продукт — мед, который в сочетании с маслом (бал-май) употребляется как ритуальное блюдо, особенно на свадьбе, а также пастила из ягод (как). Другие сладости, употребляемые среди зажиточных, большей частью восточного, чаще иранского происхождения, за исключением, пожалуй, как-туш или чак-чак — кусочков сдобного теста, сваренных в меду.

Главным напитком татар является чай, который заваривают по-русски, но пьют его иногда с маслом или салом, как делают степняки. Из напитков в большом употреблении эйрэн; кваса татары не делают. Из опьяняющих напитков татары охотно пьют пиво, но сами редко его изготавливают, приобретая у соседей; в прошлом Георги отмечал у татар изготовление молочной водки.

Характерны способы приготовления пищи. Имея хлебопекарную печь, татарка варит в ней только кашу, а жидкие блюда обязательно готовит в котле, пристроенном к печи. В котле же варят кусочки мяса (куллама, бишь-бармак) и даже пекут пышки (кабартма). Котел в кухне та-

тарки — универсальная посуда. Глиняная посуда в обиходе татар используется сравнительно мало, преимущественно для хранения молока, зато широким распространением пользуются деревянные блюда, корыта, кадушки для катыка и т. п. Здесь опять мы видим смешение форм лесных (хлебопекарная печь, деревянная посуда) и степных (котел, слабое использование глиняной посуды).

Принятие пищи татарами производится или на нарах, или на полу (особенно летом). Место для еды застилается скатертью, вокруг которой расстилают особые подстилки (корпэ). На них татары садятся, поджимая одну ногу под себя, а другую (левую) ставят, сгибая в колене. На полу же большей частью сервируются и торжественные праздничные обеды (меджелис). В сервировке отсутствуют вилки; твердые кушанья едят пальцами даже у богатых (опять сказываются степные навыки).

Таким образом, в материальной культуре татар мы постоянно видим переплетение лесных и степных форм, причем степные в ряде случаев проявляются резче и создают контраст с бытовыми формами соседей, в основном представителей лесной, древнеоседлой и земледельческой культуры.

У татар в ряде деталей их быта до сих пор проскальзывают остатки древних родовых отношений (чаще степного типа), отличных от отношений у соседей.

К пережиткам родовых отношений именно степного типа необходимо отнести отношение к пожилым мужчинам и старикам — аксакалам и абызам, что особенно проявлялось во время народных движений у татар, когда руководителями масс неизменно выступали старшие, независимо от их имущественного положения. Все так называемые «прелестные письма» (прокламации) Степана Разина, Пугачева и др. начинались словами: «Всем аксакалам и абызам» — лицам, которые организовывали массы.

Упомянутое выше кучное поселение родственников, деление старых поселков на концы по числу родоначальников, основателей поселка, так называемое «право соседа» (курше хаки), по которому сосед считается ближе далеко живущего родственника и принимает участие во всех важных семейных решениях, также можно отнести к степным пережиткам. Однако этот древний обычай в известной степени переосмыслился в условиях капиталистических отношений и получил классовый характер. Не желая иметь соседом бедняка, богачи, при выделении сыновей, получив новую усадьбу на краю деревни, старались обменять ее с бедняками-соседями, строили своим сыновьям дома рядом со своими. а бедняки выселялись на окраину. В результате получилось не только кучное расселение родственников, но и кучное поселение богачей, которые захватили таким образом лучшие усадьбы места в деревне.

Древнеродовые отношения ярко проявляются во время сохранившегося ксе-где праздника Джиен, который празднуют вместе только родственные деревни, а также праздника Сабан-туй. Хотя по своему названию Сабан-туй — праздник земледельческий, но в проведении его много чисто степных пережитков (конные состязания, премирования победителей особым советом аксакалов и т. п.).

Наряду с этими степными пережитками мы видим ряд остатков родовых отношений лесных. Например, у татар — мусульман, при общем приниженном положении женщины и устранении ее от общественных дел, в ежегодно производимом дележе лугов обычно принимали самое активное участие женщины, нередко беря руководящую роль, в чем как бы сказывались остатки матриархата, более долго сохранявшегося именно у лесных жителей.

Семейно-родственные отношения у татар мало изучены. Они в боль-

шинстве своем сложились в условиях оседлого земледельческого быта, но в них имеются и пережитки степных традиций. Например, у казанских татар в свадьбе, в ее «церемониальной части» (сватовство, пирушка и т. д.) большинство обрядов близки к брачным обрядам соседних народов, но в некоторых основных моментах проскальзывают степные пережитки. Сюда можно отнести, например, встречу молодых в доме отца новобрачной и ее долгое пребывание в доме отца до выплаты калыма или до рождения первого ребенка. Благодаря этому брачный обряд как бы затягивается и некоторые его акты, как перевоз приданого, ввод новобрачной в новую семью и т. п., совершаются много позже фактического начала брачных отношений. Сюда же относится брак умыканием, еще сохранявшийся при наличии хорошо сформировавшегося брачного обряда, типично оседлого. При этом необходимо отметить, что и здесь эти пережитки степных родовых обычаев получили классовую окраску. Так, молодушка долго задерживалась в доме отца преимущественно у богачей, а брак умыканием чаще всего встречался у бедноты, нередко в виде инсценировки, чтобы избежать непосильных расходов на свадьбу по обряду.

Внутрисемейные отношения у татар очень сложны. Здесь все время переплетаются формы как лесные, так и степные, а кроме того значительное место занимают исламистские обычаи, правда, более сильно проявлявшиеся у богачей, чем в трудовых, особенно крестьянских массах. Достаточного количества хорошо собранных материалов по этому разделу не имеется.

Многие виды искусства у казанских татар подвергались большому гонению со стороны ислама и вели в течение длительного времени своеобразное «полулегальное» существование, а потому плохо развивались. Особенно это относится к живописи, музыке и пению. Но некоторые виды прикладного искусства (вышивка, художественное тканье, ювелирное дело) получили большое развитие. При этом среди богато развитой вышивки татар мы видим преобладание тамбурной техники и растительного орнамента. Тамбурную технику необходимо отнести к степным пережиткам, ибо ее мы встречаем у всех кочевых народов Азии, со времен глубокой древности. Так, в коллекциях из раскопок П. К. Козлова¹² в хребте Ин-Ула в Монголии, датируемых I в. до н. э., находится большое количество вышивок, исполненных прекрасным тамбуром. То же самое и с орнаментом. Наиболее распространенный у татар растительный орнамент в виде завитка и контура небольших цветов (тюльпанов) также широко представлен в упомянутой коллекции. Тамбур и орнамент вышивки татарин несомненно получил от своих степных предков. Что касается художественного тканья у казанских татар, то здесь и техника и геометрический орнамент совершенно одинаковы с таковыми соседних финских народностей (мари, удмуртов, мордвы) и несомненно получены от предков с лесной культурой. Правда, татарка иногда пытается ввести в орнамент свой любимый завиток в виде ломаной линии, но самая техника тканья делает эти попытки весьма ограниченными. В расцветке вышивки и тканья видны те же корни. Вышивка татар всегда полихромна, как у современных степных народов, а в тканье преобладают красные и белые тона, как у финнов.

Большой интерес представляет орнамент ювелирных изделий. Чаще всего здесь встречаются тот же завиток и тюльпан, как и в вышивках, но нередко и геометрический орнамент в виде сетки. Такое сочетание растительного и геометрического орнамента имеет очень древнее происхождение. Его можно видеть на болгарских матрицах для изготовления украшений. Правда, там еще встречается и животный орнамент, но

¹² Коллекции хранятся в Эрмитаже.

позднее под влиянием ислама он исчез. Геометрический и растительный орнаменты связывают художественные традиции болгар с древними оригинальными формами эпохи бронзы, которые в большом количестве встречаются в крае, болгарские же формы тесно связываются с чисто татарскими, только растительный орнамент стал доминирующим. Растительный орнамент в виде волнистой линии с завитками, а также тюльпанами и розеткой в виде ромашки, также широко распространен на могилах камнях, начиная с наиболее древних и кончая XVII—XVIII вв. Все это говорит, с одной стороны, о непосредственной преемственности татарского орнамента от древнеместных форм, а с другой — о наличии очень старых степных традиций.

Татарская песня по музыкальному оформлению близка к башкирской, казахской и вообще степной и отличается от песни соседей, а содержание ее говорит о древних традициях людей, живущих в лесном краю, с многоводными реками, с обширными полями. Только жаворонок, эта типично степная птица, как и у степняков, часто фигурирует в песне, правда, конкурируя с лесным соловьем.

Мы стремились показать два основных корня, из которых сложился быт татар, но в их быту немало также черт, принесенных с мусульманского Востока (преимущественно через Среднюю Азию), и русских заимствований, как результатов длительной совместной жизни в крае. Эти влияния довольно сильны, и надо на них остановиться. Отметим, что эти влияния со стороны частично прививали народу чуждые ему бытовые формы, частично же как бы еще усиливали те основные корни, из которых сложился быт казанских татар.

Восточно-мусульманское влияние в крае начинается весьма рано. Уже в X в. ислам становится официальной религией Болгарского государства, а влияние его начинается значительно раньше. Однако ислам и вообще восточные влияния в течение долгого времени отражались на бытовом укладе преимущественно зажиточного и городского населения. Об этом пишут и древние авторы, отмечающие, что сельское население в массе живет по старине; другое веское доказательство — почти полное отсутствие исламистских форм у крещеных татар, принявших православие в конце XVI и в начале XVII в., а также сохранение в течение долгого времени около татарских поселков древних языческих, молитвенных рощ. Только позднее, с XVII в., некоторые бытовые навыки, связанные с исламом, прочно завоевали свое место среди широких трудовых масс татарской деревни. Татарская феодально-буржуазная верхушка, желая использовать стремление трудовых масс отстоять свою национальную культуру от посягательств обрусителей-колонизаторов, начала усиленно насаждать в народе исламистские обычаи и бытовые формы, чтобы этим резче отделить татар от соседей, особенно от русских, изолировать татарскую массу и сохранить свое преимущественное влияние на нее.

Восточно-мусульманские влияния шли в край преимущественно из Средней Азии, в значительной степени преломленные через своеобразную ирано-тюркскую культуру ее населения. Оттуда была принесена часть бытовых навыков, совершенно чуждых предкам татар (затворничество женщин, закрывание ими своего лица, многие виды печенья и сладостей, металлическая посуда, ряд украшений и т. п.), являвшихся формами быта оседлого населения Аравии и Ирана. Оттуда же была принесена часть форм степного происхождения (тюбетейка, ношение которой получило религиозную окраску, разукрашенная сафьяновая обувь и т. п.). Но эти влияния больше сказались в быту обеспеченных классов и горожан, чем у трудовой части деревни, где под влиянием ислама привились только тюбетейка, обычай брить голову и своеобраз-

разно подбривать усы и бороду, частично — закрывание лица женщинами; основа же быта была мало затронута этим влиянием.

Русское влияние становится особенно значительным начиная с XVI в. и проникает в народ одновременно и сверху, и снизу. С одной стороны, татарская верхушка начинает усваивать русские (а позднее через них и общеевропейские) бытовые формы все в больших размерах, с другой — эти влияния начинают проникать и в толщи трудовых масс как города, так и деревни, благодаря совместной жизни и труду с русскими крестьянами и трудящимися города. Позднее сюда прибавляется влияние татар-отходников, познакомившихся с русским бытом на заработках.

От русских татары заимствовали значительное число вещей, углубляющих те оседлые, лесные формы, которых так много в их быту. К ним необходимо отнести: улучшенный бревенчатый сруб, хлебопекарную (так называемую «русскую») печь, появление стола, хотя бы и не как места для принятия пищи, ряд сельскохозяйственных орудий и частей сруби (соха, цеп, хомут и т. п.), сохранивших даже русские названия (сука, чап-агач, комыт), вязаные чулки, творог, пироги и многое другое. Одновременно русские внесли в быт (преимущественно богатых татар) предметы, ими самими заимствованные из Западной Европы: стулья, фарфоровую и фаянсовую посуду, этажерки для ее хранения и т. п.

Все изложенное дает нам право утверждать, что бытовой уклад казанских татар в своей основе создался, с одной стороны, из форм, типичных для лесной оседлой культуры, которая издавна формировалась в крае, а с другой — из кочевнических пережитков, принесенных в край с юга и юго-востока. Наличие этих источников нередко трудно расшифровать, но они имеются почти везде.

Остановимся на происхождении этих основных слагаемых, из которых создался казанскотатарский бытовой уклад, язык и вся культура народа.

Происхождение бытовых форм, характерных для лесной культуры, у казанских татар достаточно ясно. Они — местного происхождения, формировались в крае с самых отдаленных времен и хорошо выявляются у других народностей, сложившихся здесь же: мари, удмуртов и (частично) мордвы.

Происхождение же степных культурных корней более сложно. Чтобы разобраться в этом, остановимся на территории, где в крае формировались предки казанских татар. С очень отдаленных времен, по данным археологии, основные события, приведшие к формированию татарского народа, развертывались главным образом на территории Закамья, преимущественно западного, и частично правобережья современной ТАССР; только позднее основная масса татар перебрасывается к северу от Камы в трудно проходимые тогда леса.

Территория Закамья издревле представляла собой лесостепь, где человеку было удобно поселиться вне зависимости от рода его занятий. Здесь были прекрасные пахотные угодья и столь же хорошие луговые степи, удобные для бортей и даже частично для охоты, хотя лучшие охотничьи угодья находились к северу от Камы. Вполне удобными были и южные части правобережья. Здесь проходила северная граница лесостепи. На водоразделах росли мощные лиственные леса, а по долинам рек, особенно по Свияге и ее притокам, находились большие луговые степи (Буинские степи).

Здесь-то, особенно на левом берегу Волги, и происходила встреча носителей лесной культуры, выходивших из сплошных лесов (по мере расширения земледелия и перехода к животной тяге), и представителей степных культур, которые поднимались к северу, в эти лесостепные

участки. Археология устанавливает очень раннее появление здесь степных культур (срубная культура). Здесь же появляются в V—VI вв. первые исторически известные носители степной культуры в крае — болгары, причем основная их часть поселилась на левом берегу Волги, где находился центр Болгарского государства до XIII в.; здесь степняки-болгары тесно сблизились с древними лесными насельниками, сюда же легче продолжали проникать новые кочевые элементы с юга и юго-востока.

Монгольскому разгрому подверглись, повидимому, более сильно левобережные земли, где были главные политические центры. В период разгрома, возможно, многие жители левобережья переселились на правый берег Волги, продвинувшись к северу и северо-западу в нижнесви-яжские и сурские леса, а также к северу от Камы. Однако центр остается все же в Закамье, и в период владычества монгол столица края — опять на левом берегу Волги, в Болгарах. Сюда-то и продолжали проникать степные элементы, поддерживавшие у местного населения (по мере слияния с ним) степные традиции. Такими степными элементами продолжали быть преимущественно кипчаки, с которыми у болгар были тесные связи еще в домонгольский период.

Здесь сформировалось то население, которое после военных разгромов опять-таки в основном Закамья в период распада Золотой Орды, переселилось массами к северу от Камы и отчасти на правый берег Волги. Это население по новому политическому центру сначала называлось казанцами, а впоследствии от русских получило наименование казанских татар. Факт этих переселений подтверждается датами намогильных камней, которые резко обрываются в Закамье концом XIV в. и почти с этого же времени появляются в Заказанье, далеко от берегов Камы и на правом берегу Волги.

В то время, когда болгарское население, оставшееся на левобережье, продолжало изменяться в сторону усиления в его быту и языке степных форм, население правобережья (особенно отошедшее далеко от Волги) начиная с XIII в. более тесно сближалось с лесными аборигенами правобережья и постепенно сформировалось в ту народность, которая носит наименование чуваш.

Таким образом, если у болгарского населения, ставшего предками чуваш, степные традиции оборвались в массе в XIII в., то у предков татар они продолжали прибавляться и гораздо позднее, по крайней мере до XVI в., когда выход русских на Волгу почти прекратил связь Казанского края с южными степями и когда колониальная политика царского правительства заставила многих татар уходить на юго-восток, в башкирские земли.

Доказать это положение о поздних влияниях степной культуры в процессе формирования казанских татар можно, только разделив по времени степные пережитки, имеющиеся в их быту. Сделать это довольно трудно, но такой прием может дать довольно ценные результаты. Наиболее древние степные бытовые формы настолько крепко синтезировались с лесными, сложно переплелись с ними, что их крайне трудно выделить. Возьмем хотя бы некоторые части татарской одежды. Татарские (как мужская, так и женская) рубашки по принципам кройки относятся к степному типу, но по размерам, многим деталям тесно сближаются с рубашками соседних народностей и в частности с рубашкой некоторой части чуваш (анатри). Рубашки же чуваш-анатри путем переходов сливаются с типичной лесной рубашкой марийцев. То же самое и с женскими головными уборами. Здесь также трудно разобрать, где степные, где лесные корни, так они переплетены между собой; здесь опять имеется много общего у татар с чувашами, а иногда и с другими соседними народами, например, с удмуртами.

Более поздние степные влияния проявляются в быту народа ярче и

придают ему значительную долю той оригинальности, которая отличает быт татар от быта соседей (сундуки, ичеги, суконные чулки, тюбейка, варка пищи преимущественно в котле, мучные приправы в жидких блюдах, подача мяса отдельно от бульона и т. п.). Указанные бытовые вещи и приемы у татар идентичны с теми, которые бытуют у современных степняков-кочевников (казахов, киргизов и пр.). Они могли попасть к татарам только в уже готовом виде, и, стало быть, сравнительно недавно, когда быт степняков стал более или менее похожим на их современный бытовой уклад.

Анализ происхождения бытовых форм казанских татар дает возможность считать их тюркской народностью, в основном потомками тех болгар, которые сложились в результате тесного сближения древнего местного населения и пришедших с юга болгарских племен приблизительно к X—XI вв., но к ним вплоть до XV—XVI вв. продолжали примешиваться представители степных кочевых племен, преимущественно кипчаков, приносивших значительное количество тех элементов степной культуры, которые и отличают быт казанских татар от быта соседей и, в частности, от быта другой тюркской народности края — чуваш.
